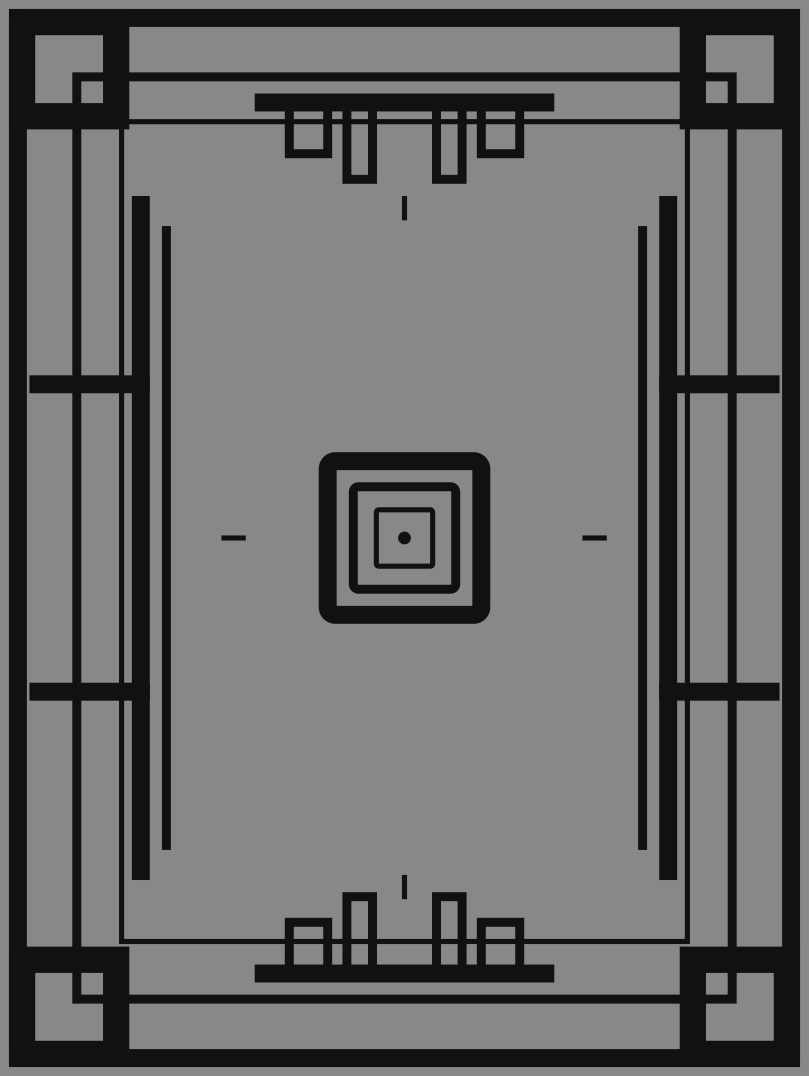

Ни железная решетка...

Джеймс Бенджамен Блиш

Аннотация
Джеймс Блиш. Ни железная решетка...
1
2
3
4

Аннотация

Арпи был капитаном корабля «Улетающий-2» потому что именно он изобрел совершенно новый двигатель, а экипаж состоял из специалистов, которые создавали этот корабль и хорошо разбирались в его отдельных системах. Кроме того на нем было сто пассажиров, которые были близкими родственниками членов Первой Экспедиции на Центавр. Самое сложное заключалось в том, что это был экспериментальный полет, но никто не хотел ждать…

Джеймс Блиш
Ни железная решетка...

1

«Улетающий-2», достаточно большой для того, чтобы вместить сотню пассажиров, казался Гордону Арпи в два раза больше с одной только командой на борту — огромный и молчаливый, на расстоянии тысячи миль от Земли.

— Когда они прибудут? — по меньшей мере в четвертый раз спросил доктор (теперь капитан) Арпи. Первый офицер, Фридрих Острейчер, взглянул на хронометр и со скукой отвернулся.

— Первая партия будет на борту через пять минут, — резко ответил он. — По-видимому, они все уже достигли СЛА-1. Остается только перевезти их.

Арпи начал грызть ногти. Несмотря на то что он всегда был нервным (равно как высоким и худым), это занятие не входило в его привычки.

— Я все равно считаю безумием брать пассажиров в полет, подобный этому, — сказал он.

Острейчер ничего не ответил. Перевозка пассажиров была ему не в новинку. Он уже десять лет служил капитаном пассажирского корабля, летающего на Марс, и выглядел соответствующе:

тридцатилетний мускулистый и коренастый парень с коротко стриженными волосами, в которых уже появилась седина, несмотря на то что он был на пять лет младше Арпи. Он был вторым в команде «Улетающего-2», так как не знал принципа действия нового двигателя. С другой стороны, Арпи назначили капитаном только потому, что изобрел двигатель и единственный разбирался в нем. Но как бы то ни было, Острейчеру это не слишком нравилось.

В любом случае, первый офицер будет являться капитаном большую часть времени. Арпи признавал, что не умеет управлять космическим кораблем. Более того, мысль о пассажирах приводила его в ужас. Он надеялся как можно меньше связываться с ними.

Но, проклятие, было сумасшествием брать сто человек, половину из которых составляли женщины и дети, в первый полет нового межзвездного корабля, основываясь только на вере доктора Гордона Арпи, что его детище сработает. Конечно, истинной причиной являлось не только это. Все сотрудники проекта «Улетающий», главой которого был Арпи, и правительство тоже верили, что оно сработает. Двенадцать лет назад была отправлена первая экспедиция к созвездию

Центавра, судя по всему еще находившаяся в полете. Несмотря на исключительно захватывающий полет Гаррарда, они предпочли пойти трудным путем, на ионном двигателе корабля Хартэля, что фактически являлось приговором и могло повредить здоровью команды. Открытие Арпи было совершенно неожиданным прорывом, дающим возможность отправить новую партию опытных специалистов, чтобы помочь Первой Экспедиции основать колонию, прибыв лишь месяц спустя после ее высадки. А если отправляешь помощь, почему бы не отправить также и семьи — семьи Первой Экспедиции, оставшиеся на Земле?

Именно это объясняло наличие двух команд. В одну входили люди из проекта «Улетающий», построившие различные части корабля, или смоделировавшие их, или просто хорошо в них разбирающиеся. Другая состояла из людей, которые некоторое время (иногда в течение двух полных путешествий) служили в Космическом Сервисе под началом Острейчера.

Энергия, питавшая силовое поле, вырабатывалась генератором Нернста: плотным облаком кипящего водорода, удерживавшегося в камере сгорания сильным магнитным полем, которое

трансформировало тепло в электрический ток, перпендикулярный магнитным силовым линиям. Такой же генератор питал ионные ракеты обычного межпланетного полета, и поэтому мог обслуживаться обычными командами. С другой стороны, Арпи попытался превзойти уравнение Лоренца-Фицджеральда путем придания всему кораблю отрицательной массы, а это понятие было совершенно чуждым даже самым опытным космонавтам. Только физик, знавший дыры Дирака достаточно хорошо для того, чтобы назвать их «Пэм», имел представление об изобретении.

Но оно сработает. Арпи был уверен в этом. Тело с отрицательной массой могло очень сильно приблизиться к скорости света до того, как его настигало сжатие Фицджеральда; кроме того, не было большого синусоидального отклонения в субъективное время, которое влияло на пассажиров в корабле Хартэля, противника Фицджеральда. Если поле успешно поддерживалось, несмотря на сжатие, не было никаких серьезных причин, которые бы помешали превысить скорость света; в подобных условиях корабль вообще не был материальным объектом.

Полярность масс ведет себя иначе, чем электромагнитная полярность. В гравитационном

поле, где сохраняется масса, одинаковое притягивается, а разнородное отталкивается. Сам заряд поля должен с большой скоростью оттолкнуть заряженный объект от Земли.

Модели не разочаровали. Они исчезали мгновенно, с шумом, похожим на удар грома. И когда на каждый атом корабля оказывалось одинаковое влияние, ускорение не чувствовалось, что соответствовало первичному требованию к идеальному двигателю. Выглядело неплохо…

Но не для экспериментального полета с сотней пассажиров на борту!

— Вот и они, — сказал Гарольд Стаффер, второй офицер. Жилистый и светловолосый, он был даже младше Острейчера и имел маленький подбородок и красивые черты, что в сочетании обычно именуется «слабым лицом». Стаффер был, как уже знал Арпи, примерно таким же слабым, как дизельный локомотив — физиогномика подкачала. Офицер показывал на смотровой монитор.

Арпи вздрогнул и посмотрел в указанном направлении. Сначала он не увидел ничего, кроме Спутникового Летательного Аппарата-1, казавшегося на таком расстоянии размером с пятидесятицентовую монету. Затем крошечный язычок огня около СЛА-1 обнаружил первый из

паромов, приближающийся к ним.

— Нам лучше спуститься в тамбур газоубежища, — заметил Острейчер.

— Хорошо, — рассеянно отозвался Арпи. — Идите. Мне еще нужно кое-что проверить.

— Лучше поручите это кому-нибудь другому, — посоветовал Острейчер. — Капитан по традиции должен встретить пассажиров, высаживающихся на борт. Они этого ожидают. Эти люди наверняка испуганы, учитывая то, что они на себя взяли. Я бы не нарушал заведенный порядок, если бы был на вашем месте, сэр.

— Я могу провести проверку, — с готовностью произнес Стаффер. — Если у меня будут сложности с двигателем, сэр, я всегда смогу позвать начальника смены. И тогда он решит, приглашать вас или нет.

Уступив, Арпи последовал за Острейчером вниз, к тамбуру.

Прибывший паром завершил стыковку, его вздернутый нос быстро отделился и ушел вверх. Первым вышедшим пассажиром оказался двухлетний ребенок, укутанный так, что никто не смог бы сказать, мальчик это или девочка. Он сразу упал, затем поднялся и, как ни в чем не бывало, потопал вперед, крича «Пока-пока-увидимся,

пока-пока-увидимся, пока-пока…» Затем он остановился как вкопанный, рассматривая огромную металлическую пещеру круглыми глазами.

— Джуди? — раздался голос из парома. — Джуди! Джуди, подожди маму!

Мгновение спустя показалась обладательница голоса, красивая невысокая девушка, на вид лет восемнадцати. Между тем ребенок заметил члена команды, улыбавшегося шире всех, и атаковал его, тараторя «Папа-Папа-Папа-Папа-Папа-Папа», как пулемет. Женщина, покраснев от смущения, последовала за ним. Мужчина не смутился. Было очевидно, что младенцы на трех планетах и пяти спутниках уже звали его папой, и он, возможно, не смог бы сказать, насколько это соответствовало истине. Он поднял маленькую девочку и нежно ущипнул ее.

— Привет-привет, Джуди, — сказал он. — Я вижу тебя. Где Джуди? Я вижу ее.

Джуди радостно вскрикнула и закрыла лицо ручонками, подглядывая сквозь пальцы.

— Что-то здесь не так, — шепнул Арпи Острейчеру. — Как может человек, двенадцать лет путешествующий к созвездию Центавра, иметь двухлетнюю дочь?

— На вашем месте, сэр, я бы не задавал такого

вопроса, — ответил Острейчер, практически не шевеля губами. — Пассажиры бывают разными. Лучше к этому привыкнуть.

Его слова были полностью проиллюстрированы. Следующей паром покинула пожилая женщина, очевидно, мать одного из членов Первой Экспедиции к Центавру; по обыкновенным стандартам, она не могла вынести космическое путешествие и, конечно, не помогла бы никому по прибытии. За ней следовала эффектная брюнетка в облегающем коротком трико, с фигурой танцовщицы. Ей могло быть от 20 до 40; она не носила кольца, и жесткое выражение ее миловидного лица вызывало предположение, что она не замужем. Между тем Арпи она показалась знакомой, он подтолкнул Острейчера и кивнул в сторону девушки.

— Селия Госпарди, — тихонько произнес Острейчер. — 3-V комическая актриса. Я уверен, вы ее видели, сэр.

Он действительно видел ее раньше, но никогда бы не узнал, потому что она не улыбалась. Ее присутствие здесь не поддавалось никаким разумным объяснениям.

— На экране или нет, в этом есть какое-то несоответствие, — негромко сказал Арпи. — Оче-

видно, была ошибка при интервьюировании. Возможно, мы вернем кого-нибудь из этой группы обратно.

Острейчер пожал плечами.

— Это ваш корабль, сэр, — сказал он. — Однако я не советую этого делать.

Арпи вряд ли слышал его. Если некоторые из этих пассажиров на самом деле были такими неподходящими, какими выглядели… и не будет времени послать кого-то другого… Наугад он начал с мамы маленькой девочки.

— Извините, мэм…

Девушка удивленно повернулась, а затем вспыхнула от удовольствия.

— Да, капитан!

— Э… мне кажется, что, возможно… э… произошла ошибка. Места на «Улетающем-2» предназначены строго для технического персонала и для… э… законных родственников Первой Экспедиции. Так как вашей Джуди, кажется, не больше двух, а прошло двенадцать лет с тех пор, как…

Глаза девушки стали ледяными, и она избавила его от необходимости закончить речь, чего, как Арпи только что осознал, он никогда не смог бы сделать.

— Джуди, — ровно произнесла она, — внучка

капитана Виллогби Первой Экспедиции. Я его дочь. Сожалею, что моего мужа нет в живых, иначе он бы все растолковал вам, капитан. Есть еще какие-нибудь вопросы?

Арпи поспешно ретировался, чтобы подсчитать потери. В разгар отступления его остановил тринадцатилетний мальчик в необыкновенно толстых очках, с копной грязно-желтых волос, торчащих в разные стороны.

— Сэр, — сказал мальчик. — Как я понял, это новый тип корабля. По-моему, он похож на грузовой корабль SC-47. Не так ли?

— Да, — ответил Арпи. — Да, именно. У него такой же корпус. Я имею в виду, что двигатели и фитинги новые.

— Эх-хэх, — произнес мальчик. Развернувшись, он побрел дальше.

Шум становился громче по мере того, как заполнялось приемное отделение. Арпи было неприятно сознавать, что Острейчер наблюдает за ним с плохо скрываемым презрением, но уйти он не мог: какой-то маленький плотный человечек в сером костюме взял его за локоть.

— Капитан Арпи, я Форрест из Президентской Комиссии и должен высадиться перед отправлением, — низким голосом пробормотал человечек

так быстро, что одно слово едва можно было отличить от другого. — Мы проверили вас, и, кажется, вы находитесь в хорошей форме. Просто хочу напомнить вам, что ваш двигатель более важен, чем все остальное, что находится на борту. Если это возможно, доставьте пассажиров туда, куда они хотят, любыми средствами, но если нет, *правительство хочет получить этот двигатель обратно*. Другими словами, если это необходимо, избавьтесь от пассажиров без сожалений. Ясно?

— Хорошо.

Это внушалось ему практически с момента его назначения, но, после того как пассажиры действительно прибыли на борт, вдруг показалось не таким уж хорошим планом. Неожиданно на Арпи нахлынул ужас, он отодвинул в сторону правительственного чиновника и, проклиная традицию, отправился на мостик так быстро, как только мог, предоставив Острейчеру общаться с оставшимися новоприбывшими. В конце концов, Острейчер умеет это делать.

Но самое тяжелое испытание было еще впереди. Корабль не мог улететь до окончания двенадцатичасового периода, во время которого пассажиры привыкнут к своим каютам и получат ответы на множество вопросов, благодаря чему

не будут забредать в служебные отсеки корабля. И еще оставался традиционный капитанский обед — необходимая церемония, в течение которой пассажиры привыкают есть в невесомости, избавляются от первой неловкости в обращении с космическим оборудованием и знакомятся друг с другом. В отличие от капитанского обеда на море, этот космический символизировал начало путешествия.

— Стаффер, как прошла проверка?

— Пожалуйста, сэр, *мистер* Стаффер, — вежливо ответил офицер. — Все в порядке, сэр. Я попросил начальника смены занести это в журнал, что он и сделал.

— Очень хорошо. Спасибо… э… мистер Стаффер. Продолжайте.

— Слушаюсь, сэр.

Похоже, ожидался долгий вечер. Быть может, Острейчер пропустит капитанский обед? Арпи почему-то сомневался в этом.

Конечно, он не захотел. Он уже давно приготовился к нему. Так как на переделанном грузовом судне не было салона, обед провели в одном из небольших трюмов, содержимое которого временно разместили в коридорах. Все внутреннее пространство трюма занимали столы в форме

седел, к которым гости пристегивались ремнями; обслуживание проводилось прямо в воздухе.

За столиком Арпи собрались тринадцатилетний мальчик, которого он встретил раньше, корабельная няня, два техника из специалистов среди пассажиров-колонистов, служащий при генераторе Нернста и Селия Госпарди, сидевшая рядом с ним. Ее не пригласили за семейный столик, так как с ней не было детей; кроме того, она являлась знаменитостью.

Арпи ужаснулся, узнав, что она была не единственной знаменитостью на борту. За соседним столиком сидел Дэрион Хаммер-смит, человек, которого прозвали Завоевателем Титана. Невозможно было не узнать широкоплечего, яркого исследователя и его звучный голос; он привлекал внимание всех присутствующих, особенно женщин. Лысина делала его похожим на прусского офицера старой школы. Вообще он производил впечатление человека жестокого и мужественного и вызывал ассоциации с пантерой, вышедшей на охоту.

В течение некоторого времени Арпи не знал, каким разговором занять гостей. Он очень надеялся, что идиотская пустота в голове продлится не очень долго; а быть может, пассажиры по-

считают его флегматиком и… Но тишина за капитанским столиком становилась заметной, особенно на фоне шума, который производили дети. И Хаммерсмит, сидевший по соседству, начал рассказывать космические байки.

И какие байки! Арпи очень мало знал о Титане, но почему-то был уверен, что там не было ни снежных тигров, разгрызающих фундаменты зданий, ни каких-либо трехглазых аборигенов, наслаждающихся замерзшим человеческим мясом, нагревая его до тех пор, пока соки не превращались из Льда-4 в Лед-3. Если они там и были, то это не соответствовало книге Хаммерсмита об экспедиции на Титан, в которой они не упоминались. Но болтовня исследователя делала молчание Арпи еще более заметным; он *должен был* что-то сказать.

— Мисс Госпарди, ваше присутствие для нас — большая честь. Я полагаю, ваш любимый муж полетел в Первой Экспедиции?

— Еще хуже, — ответила она, вгрызаясь ослепительно белыми зубами в жареную ножку. — Мой пятый муж.

— О! Ладно, сначала вам не повезло — так обычно и бывает, не так ли? Вы решились на такое долгое путешествие, чтобы снова быть с ним. Я

рад, что теперь вы чувствуете такую уверенность в силе ваших чувств.

— Я уверена, — спокойно произнесла она. — Да, это долгая поездка. Но он сильно ошибся, когда думал, что она будет слишком долгой для *меня*.

Тринадцатилетний мальчишка смотрел на нее с совиным выражением. Похоже, для него это была душная ночь.

— Конечно, Титан значительно изменился с тех пор, как я там был, — весело гудел Хаммерсмит. — Говорят, с новым куполом там почти уютно, если не считать ветра. Этот ветер — я все еще мечтаю о нем, как тогда, так и сейчас.

— Я восхищаюсь вашим мужеством, — сказал Арпи 3-V звезде, начиная слегка льстить. Казалось, у него неплохо получалось — возможно, он обладал скрытыми талантами, которыми доселе пренебрегал.

— Это не мужество, — ответила женщина, освобождая кусок хлеба из зажима. — Это безрассудство. Ненавижу космические полеты. Я-то знаю, мне приходилось достаточно часто летать на Лунные шоу. Но я собираюсь вернуть этого вшивого труса обратно, даже если это будет последним, что я сделаю.

Она отломила добрую треть куска одним точ-

ным движением.

— Я бы не думала об этом, если бы не проиграла своего шестого мужа Пегги Вальтон. Подумать только, увлечься этим охотником за юбками; должно быть, я была не в себе. А Джонни и не подумал развестись со мной перед тем, как сбежал в эту охотничью экспедицию на Центавр. Это было ошибкой. Я собираюсь *за шиворот* притащить *его* обратно.

Она согнула остаток хлеба и осторожно разломила его надвое. Мальчишка вздрогнул и отвернулся.

— Нет, я не могу сказать, что сильно скучаю по Титану, — произнес Хаммерсмит задумчивым голосом, который тем не менее разнесся по всему трюму. — Мне нравятся планеты, на которых небо почти всегда чистое. Мое хобби — микроастрономия. Собственно говоря, строго как любитель я имею определенную репутацию в этой сфере. Я понимаю, что звезды в созвездии Центавра должны быть необычайно яркими, но там, конечно, нет ничего интересного для действительно серьезной работы.

— Сказать по правде, — продолжала Селия, хотя, по мнению Арпи, она уже наговорила правды более чем достаточно. — Я до смерти боюсь этого

вашего раздутого гроба. Но какого черта, я в любом случае мертва. На Земле всем известно, что я не могу оставаться замужем два года, неважно сколько писем от поклонников я получаю. И сколько предложений, честных или корыстных. Нет ничего хорошего в том, что три миллиона мужчин говорят, что любят меня. Я знаю, что они имеют в виду. Каждый раз, когда я выбираю одного из них, он исчезает.

Согнутый кусок хлеба беззвучно исчез.

— Вы на самом деле собираетесь стать колонистом? — спросил кто-то Хаммерсмита.

— Если соберусь, то надолго, — ответил исследователь. — Я беру туда свою невесту… — При этих словах две двадцатилетние женщины заметно изменились в лице. — …чтобы создать семью, и надеюсь поспешить с проверкой крейсера. Я предполагаю, что у нашего корабля могут быть некоторые навигационные сложности, и оседлаю своего любимого конька — сейчас же займусь их устранением.

У Арпи глаза на лоб вылезли. Он был почти уверен, что не существовало такой дисциплины, как микроастрономия, и абсолютно уверен, что любое выравнивание крейсера (Хаммерсмит даже не знал этого термина), необходимое кораблю,

будет выполнено только Гордоном Арпи, или же через его труп.

— *Этот* человек… — неумолимо продолжала Селия Госпарди. — Я выдержу, даже если мне придется гоняться за ним по всей Галактике. Я покажу ему, как убегать от *меня*, предварительно не оформив развод.

Ее вилка выхватила порцию салата и окунула ее в комок русской приправы, которую специальный автомат по ее желанию выстрелил в воздух.

— Куда он думал попасть — в Иностранный Легион? — спросила она, не обращаясь ни к кому в особенности. — *Он?* Да он не мог найти выход из супермаркета без карты!

Арпи глотал воздух как рыба, вытащенная на берег. Девушка, окутанная облаком мускусной парфюмерии, с которой тщетно боролись корабельные вентиляторы, приветливо ему улыбалась. Никогда он не чувствовал себя менее похожим на капитана огромного корабля. В следующую секунду он смутился и почти покраснел.

— Сэр… — это был Острейчер, склонившийся над его ухом. Арпи с благодарностью вырвался из сетей очарования.

— Да, мистер Острейчер?

— Мы готовы начать задраивать люки; СЛА-1 попросил нас освободить зону заранее из-за предполагаемого интенсивного движения. Если вы можете оставить своих собеседников, нам следует быть на мостике.

— Прекрасно. Леди и джентльмены, прошу извинить, но у меня есть дела. Надеюсь, вы продолжите обед без меня и хорошо проведете время.

— Что-то случилось? — спросила Селия Госпарди, глядя ему прямо в глаза. Сердце его взволнованно забилось.

— Все в порядке, — спокойно сказал Острейчер за его спиной. — У офицера всегда много работы. Готовы, капитан?

Арпи оттолкнулся от кресла, едва не сбив стюарда, проплывавшего поблизости. Затем офицер взял его под локоть как раз вовремя, чтобы помочь не врезаться головой в переборку.

— У нас есть два часа на то, чтобы пассажиры поели и легли спать, — сообщил Острейчер в кабине управления. — Затем мы начнем создавать поле. Вы уверены, что не нужны никакие приготовления к перегрузкам?

Теперь Арпи пришел в себя; когда дело касалось технических вопросов, он был в своей стихии.

— Нет, совсем не нужны. Пока поле создается, оно не ощущается. Оно должно достигнуть определённого порога, прежде чем возымеет действие. Когда поле пересекает эту точку на прямой, оно вступает в силу целиком, одновременно. Никто не должен ничего почувствовать.

— Хорошо. Тогда можно поваляться на койке пару часов. Я предлагаю, сэр, чтобы мистер Стаффер нес первую вахту; я возьму вторую; это позволит вам быть на палубе, когда двигатель заведется, если, конечно, это может быть отложено на столько времени. Мы уже находимся на слабой обратной кривой с СЛА-1.

— Это можно отложить на столько, на сколько нам надо. Поле не пересечет порога, пока мы не замкнем этот ключ.

— Понятно, — произнес Острейчер. — Очень хорошо, сэр. Тогда давайте нести обычные вахты и отправимся в путь в установленное время, когда будем в апогее спутниковой станции. Лучше всего будет следить за нормальным режимом работы, до тех пор пока путешествие неизбежно не станет ненормальным.

Без сомнения, это было мудрое решение. Арпи не оставалось ничего, кроме как согласиться, хотя он сильно сомневался, что сможет сейчас

заснуть. Мостик опустел, остались только Стаффер и человек из команды Нернста, и корабль затих. Утром, когда пассажиры еще спали, Арпи замкнул ключ.

«Улетающий-2» беззвучно исчез.

2

Мама Мама Мама Мама Мама Мама.

Мне снится, что я вижу его Джонни я люблю тебя он спускается вниз по лестнице в яму и я не могу последовать и он уже ушел и время для следующего акта.

Космический корабль Я лечу на нем и Бобби видит меня и всех людей.

Какая-то авария но тогда почему не сработала сигнализация Надо позвонить Стафферу.

Папа? Папа? Пока-пока-увидимся? Папа.

Где бутылка Я знал мне не следовало втягиваться в эту игру.

Ветер постоянно ветер.

Падаю падаю почему я не могу остановиться умру ли я если остановлюсь.

Два точка восемь три четыре Два точка восемь три четыре Я продолжаю думать два точка восемь три четыре это то что показывает счетчик два точка восемь три четыре.

Кто-то остановил этот ветер Я говорю вам он разговаривает Я говорю вам я слышу его Слова в ветре Джонни не ходи Я еду на слоне и он пыта-

ется спуститься вниз по лестнице за тобой и она сейчас сломается.

Нет сигналов тревоги Все хорошо Но не могу думать Не могу мама лестница космический корабль думать для пока-пока-увидимся два ветреный папа бутылка секунды прямой Что с бутылкой проблемой игрой, так или иначе Где эти два точка восемь три четыре для физика какое у него пока-пока-имя папа Джонни Арпи

Умру ли я если остановлюсь

Я люблю тебя

Ветер

Два точка

Мама

СТОП.

СТОП. СТОП. Арпи. Арпи. Где вы? Остальные, прекратите думать. СТОП. Мы читаем мысли друг друга. Все, постарайтесь перестать, пока мы не спятили. Капитан Арпи, вы меня слышите? Придите на мостик. Арпи, вы меня слышите?

Я слышу вас. Я иду. Боже мой.

Вы там у счетчика напряжения поля.

Два точка восемь три четыре.

Да, вы. Сконцентрируйтесь, постарайтесь не обращать внимание ни на что другое.

Да, сэр. 2834. 2834. 2834.

Люди с детьми, постарайтесь успокоить их, уложите их спать снова. Мистер Хаммерсмит!

Ветер… Да?

Проснитесь. Нам нужна ваша помощь. Это Острейчер. Приготовьтесь к дублирующим действиям.

Но… Хорошо, мистер Острейчер. Иду.

Как только ситуация оказалась под контролем первого офицера, яростный шторм эмоций и снов постепенно утих. Остался лишь приглушенный фон: море страха и бегающие по его поверхности белые барашки истерии. Арпи нашел в себе силы думать собственными мыслями. Без сомнений, все, кто был на борту «Улетающего-2», неожиданно стали телепатами.

Но в чём могла быть причина? Поле? Нет. Не было никаких теоретических предпосылок, более того, поле действовало уже около часа с одинаковой интенсивностью и не производило такого ада.

— Вот мои наблюдения, — сказал Острейчер, когда Арпи вошел на мостик. — Обратите внимание: сейчас мы можем видеть, что происходит вне корабля, и внешние сенсорные приборы работают снова. Этого не было несколько минут назад; мы ослепли, как только порог был пересечен.

— И что дальше? — спросил Арпи. Оказалось, что говорить вслух помогало отвлечься от потока чужих мыслей. — Это должно быть характерно для пространства, в котором мы находимся, где бы оно ни было. Есть ли у нас ключи к разгадке?

— Снаружи солнце, — ответил Стаффер. — И у него есть планеты. Через минуту у вас будет его изображение. Но одно я могу сказать уже сейчас: это не Альфа Центавра. Слишком тусклая.

Почему-то Арпи и не ожидал этого. Альфа Центавра была расположена в обыкновенном космосе, а с ними явно случилось что-то необыкновенное. Он улавливал изображения, по мере того как они появлялись в мозгу Стаффера: диаметр звезды — около тысячи миль (могло ли это быть верным? Да, это соответствовало истине. Невероятно). Число планет — шесть. Диаметр самой далекой от центра планеты — около тысячи миль; расстояние от звезды — около 50 млн. миль.

— Что это за спиралевидная система? — запротестовал Стаффер. — Шесть планет внутри шести астрономических объединений, и наиболее удаленная такая же большая, как ее солнце? Это динамически невозможно.

Конечно, это было невозможно, и все-таки до

противного знакомо. Постепенно правда начала доходить до Арпи существовала только одна система, в которой диаметр и солнца, и планеты составляли соответственно 1/50000 расстояния до наиболее удаленной орбиты. Он временно отбросил эту мысль, отчасти чтобы увидеть, можно ли было скрыть что-то от остальных при данных обстоятельствах.

— Проверьте орбитальные расстояния, мистер Стаффер. Должно быть только две цифры.

— Две, сэр? Для шести планет?

— Да. Вы обнаружите два тела, занимающие одинаковое расстояние, и другие четыре на расстоянии 50 млн. миль.

— Великий Боже, — произнес Острейчер. — Только не говорите мне, что мы оказались внутри атома, сэр!

— Похоже на то. Скажите, мистер Острейчер, вы узнали это из моих мыслей или из слов?

— Я догадался об этом, — озадаченно ответил Острейчер.

— Хорошо; теперь мы знаем еще кое-что: этим способом можно подавить мысль. Я держал мысль «атом углерода» чуть ниже уровня моего активного сознания в течение нескольких минут.

Острейчер нахмурившись, подумал: «Полезные сведения, это увеличивает возможность контролирования паники и...» Медленно, словно тонущий корабль, остаток мысли скрылся. Первый офицер тренировался.

— Вы правы насчет планет, сэр, — сообщил Стаффер. — Думаю, это означает, что они все одного размера, и также нет эклиптики.

— Конечно. Это электроны. «Солнцем» является ядро.

— Но как это случилось? — спросил Острейчер.

— Могу только догадываться. Поле придает нам отрицательную массу. Мы не сталкивались с отрицательной массой нигде в природе, кроме как в микромире. Очевидно, это единственная область, где она может существовать. Следовательно, как только мы достигли отрицательной массы, нас выбросило в микромир.

— Великолепно, — проворчал Острейчер. — Мы сможем выбраться, сэр?

— Не знаю. Положительная масса допустима в микромире, поэтому даже если мы выключим поле, существует вероятность застрять в атоме. Нам придется все тщательно взвесить. Но сейчас меня больше интересует телепатия, ей должно быть разумное объяснение.

Арпи размышлял. До настоящего момента он вообще не верил в телепатию; ее существование в макромире настолько противоречило всем известным физическим законам, что было легче считать ее мошенничеством. Но законы макромира не действовали здесь; корабль попал в сферу квантовой механики — хотя телепатия не подчинялась и этой науке. Возможно ли, что «парапсихологическое» поле являлось частью сложной структуры микровселенной, как электромагнитные поля были сложной структурой макромира? Если так, любые телепатические явления, проявляющиеся в макромире, были всего лишь отголоском, мимолетным и изменчивым, и нельзя было надеяться контролировать их…

Арпи заметил, что Острейчер с огромным интересом следит за его рассуждениями.

— Я не привык к мысли, что электроны обладают сложной структурой, — сказал офицер.

— Ну, все атомные частицы имеют спин, и, чтобы измерить его, вы должны отметить какую-либо точку *на* частице, меняющей свое положение в пространстве — хотя бы по аналогии. Я бы сказал, что аналогия установлена; все, что нам нужно сделать, — это выбрать место посадки.

— Вы подразумеваете, что мы можем приземлиться на одну из этих штук, сэр? — спросил Стаффер.

— Я думаю, да, — ответил Арпи. — если, конечно, есть что-то, с помощью чего можно до нее добраться. Предоставляю слово мистеру Острейчеру.

— Почему нет? — ответил Острейчер и, к удивлению Арпи, добавил: — Если есть возможность исследовать неизведанное, то надо ее использовать.

Неожиданно океан страха, о котором Арпи почти успел забыть, начал угрожающе увеличиваться; огромные волны чистой паники мчались по нему.

— Уф, — произнес Острейчер. — Мы плохо прикрывались — забыли, что они слышат каждое слово наше слово. Им явно не понравилась то, о чем мы говорили.

Он не ошибся. Сложно было уловить отдельные мысли, но основной мотив был вполне понятен. Эти люди путешествовали к Центавру и хотели попасть именно туда. Вероятность того, что они оказались в ловушке на атомном уровне, и так была достаточно пугающей, а уж брать на себя дальнейший риск приземления на электрон…

Внезапно Арпи почувствовал грубую силу Хаммерсмита, яростно борющуюся с общим потоком. Мыслей исследователя Арпи не слышал с самого начала; очевидно, тот быстро научился маскировке. Казалось, на мгновение его воинственный контрудар произвел успокаивающий эффект…

Одинокая нить чистого ужаса выделилась из массы. Это была Селия Госпарди; она только что проснулась, и вся ее напускная храбрость полностью улетучилась. Следуя ее беззвучным крикам, волны паники начали расти…

— Нам надо как-то успокоить женщину, — напряженно произнес Острейчер. Арпи с интересом отметил, что он прятал мысль, которую говорил, достаточно сложным образом, стараясь замаскировать ее при восприятии. — Она взбудоражит весь корабль. Вы разговаривали с ней прошлой ночью, сэр, может, попробуете?

— Хорошо, — неохотно ответил Арпи, делая шаг по направлению к двери. — Я думаю, она все еще в своей…

Хлоп!

Селия Госпарди была в своей комнате.

Там же находился и капитан Арпи.

При виде его она коротко вскрикнула.

— Не пугайтесь, — быстро произнес он, хотя

был встревожен почти так же, как она. — Мистер Острейчер и все остальные, внимание: будьте осторожны! Имея в мозгу какую-либо определенную цель, не делайте резких движений. Скорее всего, вы немедленно окажетесь в том месте, о котором думали. Это характеристика пространства, в котором мы находимся.

— Я слышу вас, сэр. Значит, телепортация — это прыжок между энергетическими уровнями? Да, это может сыграть злую шутку.

— Очень… мило с вашей стороны… попытаться… успокоить меня, — робко сказала девушка. Арпи отметил, что она даже не смогла замаскировать проклятия. Ему придется взвешивать каждое слово, потому что она сделает его известным всему кораблю. В каком-то смысле это было очень плохо. Будучи привлекательной на экране, Селия в момент испуга была откровенно красивой.

— Пожалуйста, не теряйте самообладания, мисс Госпарди, — попросил он. — Не похоже, чтобы в данный момент существовала какая-либо опасность. Корабль исправен, его механизмы работают как должно. Запасы энергии не ограничены, продовольствия хватит на целый год — мы сможем улететь. Сейчас нечего бояться.

— Я ничего не могу поделать, — беспомощно ответила женщина. — Я не могу даже правильно думать. Мои собственные мысли теряются среди чужих.

— Мы все столкнулись с подобным затруднением. Если вы сосредоточитесь, то поймёте, что можете отфильтровывать около девяноста процентов посторонних мыслей. И вам нужно попытаться это сделать, потому что если вы не поборете испуг, то вызовете панику у всех остальных, особенно у детей. Они беззащитны против эмоций взрослых даже без телепатии.

— Я… я попытаюсь.

— Это вам поможет, — добавил он со слабой улыбкой. — В конце концов, если вы думаете о своём пятом муже так же, как говорите, вам будет приятна небольшая остановка в пути.

Ему не следовало этого говорить. Сразу же в глубине её сознания с беззвучной болью прозвучал голос: *«Но я же люблю его!»*

Слёзы бежали по её щекам. Арпи, чувствуя себя беспомощным, ретировался.

Он шёл осторожно, не торопясь повторить свой пространственный прыжок. На сходном трапе его почти сразу же догнал младший офицер.

— Извините, сэр. У меня сообщение от кора-

бельного хирурга. Доктор Хоули сказал, что это срочно, и будет лучше, если я лично сообщу вам об этом.

— Ох. Хорошо, в чем дело?

— Доктор Хоули предлагает проверить давление кислорода. У него есть пассажир, которому потребовалось срочное хирургическое вмешательство, а это означает, что мы, возможно, подходим к девяти тысячам.

Арпи постарался осмыслить услышанное. Информация мало о чем ему говорила, но привела в замешательство. Он знал, что по традиции, сложившейся ещё во времена полётов в атмосфере, давление кислорода на космических кораблях выражали в земных футах по высоте; но 9000 футов, которые, без сомнения, вызвали бы некоторый дискомфорт, не могли представлять опасно низкую концентрацию. И он не видел никакой связи между медленно сокращающимся уровнем кислорода и срочным хирургическим вмешательством. Кроме всего прочего, его слишком волновала Селия Госпарди.

Разговор с ней закончился не так, как он рассчитывал. Хотя, возможно, было лучше оставить её грустящей, нежели паникующей. Хотя, конечно, если она передаст свою печаль всему кораблю,

где находится множество людей, у которых есть такие же причины для скорби, это вряд ли пойдёт на пользу.

— Беда парализует, — сказал Острейчер, когда Арпи вернулся на мостик. — Даже в самом худшем случае она не вызовет бунта. Взбодритесь, сэр. Уверен, я не смог бы сделать ничего лучшего.

— Спасибо, мистер Острейчер, — покраснев, ответил Арпи. Очевидно, он забыл замаскировать свои мысли; выражение «мысли вслух» приобретало особый смысл в данной ситуации. Для прикрытия он предложил обескураживающее сообщение Хоули.

— Что? — Острейчер шагнул к пульту и быстро взглянул на измеритель Бордона. — Он прав. Сейчас мы достигли уровня девять тысяч. Когда уровень будет больше десяти тысяч, нам придётся заставить всех надеть маски. А я думал, что просто испытываю лёгкое головокружение. Мистер Стаффер, прикажите увеличить давление, и пусть газовая команда продублирует.

— Хорошо, — отчеканил второй офицер.

— Мистер Острейчер, что всё это значит?

— У нас большая утечка, сэр, или, скорее всего, несколько больших утечек. Нам необходимо

узнать, куда уходит весь этот воздух. Возможно, мы уже убили пациента Хоули.

Арпи тяжело вздохнул. Удивительно, но Острейчер ухмыльнулся.

— Всегда существуют протечки, — бросил он непринуждённым тоном. — Без этого не обходится в космосе. В полёте на Марс, невзлюбив капитана, мы обычно желали ему интересного путешествия. Это путешествие интересное.

— А вы, оказывается, психолог, мистер Острейчер, — сказал Арпи, но тот умудрился ухмыльнуться снова. — Хорошо, но что будем делать сейчас? Я чувствую некоторую тяжесть.

— Мы сделали попытку подвести ракету к ближайшему электрону, сэр, и, кажется, нам это удалось. Не вижу причины, по которой нам следует приостановить полет. Очевидно, третий закон движения здесь не выполняется.

— Это ошибка, — нахмурился Стаффер. — Газовая команда должна двигаться, но на это нужно время. Капитан, что мы наблюдаем? Гамма-лучи? Не похоже, чтобы космос здесь был темным.

— Гамма-лучи имеют слишком большую длину волны, — ответил Арпи. — Возможно, это волны Бройля. Освещенное небо, вероятно, иллюстрирует Парадокс Облера: так выглядело бы *наше*

пространство, если бы звёзды размещались равномерно. Это заставляет меня думать, что мы находимся внутри довольно большого небесного тела. И СЛА-1 было ближайшим.

— О-хо-хо, — вздохнул Стаффер. — А что же будет с нами, когда космическое излучение проникнет сюда и разрушит наш атом?

Арпи улыбнулся:

— Мы уже получили на это ответ. Обнаружили ли вы движение в электроне, к которому мы приближаемся?

— Небольшое — всего лишь обычное планетарное движение. Около четырнадцати миль в секунду — предполагаемое для орбиты.

— Если бы продолжительность нашей жизни измерялась по чрезвычайно ускоренной временной шкале, этого нельзя было бы предположить. По нашей внутренней временной шкале мы не пробыли тут и миллиардной доли секунды. Мы можем провести остаток нашей жизни здесь, так и не увидев свободного нейтрона или планеты.

— Это утешает, — сказал Стаффер с некоторым сомнением.

Они молчали, наблюдая, как маленький мир постепенно увеличивается в иллюминаторах. Детали поверхности просматривались плохо,

альбедо было высоким. По мере их приближения причина обоих эффектов стала очевидной, так как с каждым мгновением очертания тела становились всё более неопределёнными. Казалось, что оно окутано подобием густого тумана.

— Достаточно, — властно произнес Острейчер. — В любом случае, мы не можем совершить посадку на «Улетающем»; мы вынуждены будем отправить двоих исследователей на корабле-разведчике. Есть какие-либо предложения?

— Я пойду, — немедленно отозвался Арпи. — Я не упущу подобной возможности ни за что на свете.

— Не могу обвинять вас, — сказал Острейчер. — Но не похоже, чтобы то тело имело какую-либо твёрдую оболочку. Что если вы просто утонете в нем, погрузившись в самый центр?

— Это невозможно, — ответил Арпи. — У меня имеется небольшой фрагмент отрицательной массы, и я сохраню его, увеличив поле корабля при помощи антенны. Электрон лёгкий, но его масса положительная; другими словами, он легко оттолкнёт меня, и я не провалюсь далеко.

— Ну хорошо, кто пойдет с вами? — спросил Острейчер, очень осторожно маскируя каждое слово. — Одного опытного наблюдателя в прин-

ципе достаточно, но вам понадобится человек, который будет поддерживать связь. Я удивлен, что мы еще ничего не слышали от Хаммерсмита. Вы заметили, как крепко он закрылся, как только возникла эта тема?

— Именно так, — обескураженно согласился Арпи. — Я не слышал от него ни звука в течение последнего часа. Ладно, это его личное дело; может, ему вполне хватило Титана.

— Как насчет мисс Госпарди? — предложил Стаффер, — Кажется, ее успокаивает ваше присутствие, капитан; прогулка даст ей новую пищу для размышлений и одновременно уберет из корабля центр зарождающейся паники. За время вашей поездки, надеюсь, люди успокоятся.

— Идет, — сказал Арпи. — Мистер Стаффер, дайте команду на запуск исследовательской капсулы.

3

Все-таки маленький мирок имел твердую поверхность, хотя она так постепенно переходила в сияющую дымку атмосферы, что её очень сложно было разглядеть. Казалось, Арпи и девушка шли, по пояс погруженные в какую-то клубящуюся, опаловую субстанцию, которая содержала коллоидную металлическую пыль. Слабые удары об их скафандры не ощущались как таковые; вместо этого казалось, что они шли в гравитационном поле, составляющем около одной десятой части земного.

— Здесь ужасно тихо, — сказала Селия.

Радио в скафандре, как заметил Арпи, не работало. К счастью, свойства пространства вокруг них, в которые входило передавать мысли, оставались неизменными.

— Я вовсе не уверен, что звук будет передаваться в этом веществе, — ответил он. — В любом случае, это не газ, в нашем понимании. Это просто проявление неопределенности. Электрон никогда точно не знает, где он находится; он просто носится в пределах своих границ, не находясь в

точности нигде.

— Да, это жутко. Сколько мы должны оставаться здесь?

— Недолго. Я просто хочу получить некоторое представление о том, на что это похоже.

Он наклонился. Поверхность просматривалась до мельчайших подробностей, хотя он снова не смог увидеть в них какого-либо смысла. Там и тут он видел крошечные, изогнутые ручейки какой-то субстанции с бриллиантовым сиянием, очень похожей на ртуть, и — да, была лужа неправильной формы, показывающая точный мениск. Когда он погрузил в неё палец, лужа глубоко вдавилась, но не разбилась, и его перчатка осталась сухой. Упругость ее поверхности должна была быть огромной; он гадал, состояла ли она целиком из одинаковых частиц. Шар казался полностью покрытым сетью из этих сияющих нитей.

Теперь, когда его глаза привыкли, он увидел, что «воздух» также был полон этих светящихся жилок, что определённо делало его похожим на мрамор.

Жилки не мешали их продвижению; ни одной почему-то не оказывалось рядом, хотя всегда было много впереди. По мере того как Арпи и Селия шли вперед, вокруг них без видимой причины

возникали маленькие эмоциональные потоки, слишком мимолетные, чтобы распознать их.

— Что это за серебристая штука? — со страхом спросила девушка.

— Не имею ни малейшего представления, Селия. Какие частицы могут быть меньше электрона? Даже для разработки одного только научного предположения потребовался бы век исследований. Это все странное и новое, не похожее на другие явления, с которыми когда-либо сталкивался человек. Сомневаюсь, чтобы можно было точно описать это.

Земля, казалось, тоже была разных цветов. При слабом освещении трудно было сказать, каких именно; то и дело возникали оттенки серого с зеленоватыми и голубоватыми переливами.

Эмоциональные волны немного усилились, и Арпи неожиданно распознал доминирующую.

Это была боль.

Охваченный смутным предчувствием, он резко повернулся и посмотрел назад. На разноцветных дорожках резко выделялся двойной ряд широких черных следов, таких четких, словно они были нарисованы.

— Мне это не нравится, — произнес он. — Наш корабль имеет в этой системе почти планетарную

массу, и мы чересчур большие для этой планеты. Откуда мы знаем, что представляют собой все эти мелкие детали? Но, чем бы они ни являлись, мы одинаково уничтожаем их везде, куда бы ни ступили. Леса, города, клетки какого-то организма, что-то загадочное… Нам придется немедленно вернуться.

— Поверьте, я тоже этого хочу, — сказала девушка.

Самые старые следы, которые они оставили, когда выходили из исследовательского корабля, начинали покрываться по краям чем-то серебристым, как будто инеем или плесенью. Или это была та же субстанция, из которой состояли ручейки? Предположений было бесконечное множество, но все они оставались без ответа. Арпи неприятно было думать о длинном овальном пятне, которое, должно быть, оставила после себя исследовательская капсула. Он мог только надеяться, что последствия разрушения исчезнут сами собой; было в этом месте что-то особенно… организованное.

Он быстро поднял корабль и не мешкая вывел его из опаловой атмосферы, стремясь как можно скорее поймать разнообразное бормотание умов на борту «Улетающего-2».

Только когда он заметил, что смотрит на небо в поисках корабля, он осознал, что ничего не видит.

— Селия, вы хорошо слышите мои мысли, не так ли?

— Ясно, как колокол. Так я чувствую себя намного лучше, капитан.

— Тогда что же с кораблем? Я не слышу ни души.

Она нахмурилась.

— Да, и я тоже. Где…

Арпи указал вперед.

— Он там, прямо там, где мы оставили его. Их всех было достаточно хорошо слышно на этом расстоянии, когда мы опускались на электрон. Так почему не слышно сейчас?

Он разогнал корабль, забыв всякую осторожность. Прибытие в воздушную камеру «Улетающего-2» получилось довольно беспорядочным, и Арпи потерял несколько минут, устанавливая маленький челнок в правильное положение, после чего они буквально вывалились из него.

На борту «Улетающего-2» никого не было. Никого, кроме них.

Мысленное молчание не оставило у Арпи и Селии никаких сомнений, но на всякий случай

они тщательно обыскали огромный корабль. Он был пуст.

— Капитан! — закричала Селия. Паника вновь обуяла ее. — Что случилось? Куда они могли деться? Нет никакого места…

— Понимаю, что нет. Я не знаю. Успокойтесь на минутку, Селия, и дайте мне подумать. — Арпи сел на подпорку и на минуту невидяще уставился на корпус. Трудно было вдыхать разреженный воздух; он пожалел, что они сняли скафандры. Наконец он поднялся и вместе с девушкой, отчаянно вцепившейся в его локоть, вернулся обратно на мостик.

Все было в порядке. Это выглядело так, словно целый корабль опустел в одно мгновение. Трубка Острейчера уютно лежала в своем зажиме рядом с чартерной панелью; хотя в ней не было никаких следов смеси, которую подчиненные Острейчера окрестили «Старый Порох», чашечка все еще была горячей.

— Это случилось не более получаса назад, — прошептал Арпи. — Будто они все одновременно совершили прыжок, подобный тому, который перенес меня в вашу комнату. Но куда?

Неожиданно его осенило. Был только один ответ. Конечно, они никуда не уходили.

— Как это? — закричала Селия. — Я понимаю, что вы думаете, но это бессмысленно!

— В *этой* вселенной есть определенный смысл — угрюмо ответил он. — Селия, нам придется действовать быстро, пока Острейчер не сделал шага, который может оказаться безвозвратным. К счастью, всё работает, как будто команда всё ещё здесь и занимается своим делом, так что, я полагаю, мы справимся и вдвоем. Вам нужно будет быстро и четко выполнять инструкции, не останавливаясь ни на мгновение и не задавая лишних вопросов.

— Что вы собираетесь делать?

— Выключить поле. Нет, не возражайте — вы ведь не имеете ни малейшего представления о том, что это значит. Располагайтесь у этого пульта и следите за моими мыслями. В то самое мгновение, когда я подумаю, что вам нужно делать дальше, делайте это. Понятно?

— Нет, но…

— Вы поняли все, что нужно. Вперед!

Он начал быстро уменьшать напряжение в потоке Нернста, поступающего в генераторы поля, мысленно диктуя Селии ее действия для поддержания расплавленной сферы точно напротив уменьшающегося расхода. В течение минуты ему

удалось уменьшить поле до порогового уровня; вспомогательные двигатели работали ровно, что не слишком его удивляло, таким образом выполняя свои основные функции.

— Хорошо, теперь я собираюсь полностью его выключить. На вашем пульте будет большой люфт. Видите главный счетчик, прямо перед вами, вверху пульта? К нему подключена чёрная ручка с надписью «Обратная ЭДС». Когда я поверну этот переключатель, счетчик будет выдавать показания выше красной черты. В ту же минуту вы повернёте ручку *в точности* на то же самое показание. Но если вы перестараетесь, поток Нернста исчезнет, и мы останемся вообще без питания. Если повернёте ее недостаточно, взорвется генератор. Вам нужно сделать всё предельно точно. Понятно?

— Думаю, да.

— Хорошо, — сказал Арпи. Он надеялся, что всё будет в порядке. Обычно отключение производилось полностью автоматически, но при этом энергия в выключаемом поле расходовалась равномерно; они не отважились на такой шаг. Арпи оставалось только молиться, чтобы Селия сделала все как можно быстрей.

— Начали. Пять секунд, четыре, три, две, одна,

выключай.

Селия повернула диск.

Мгновение ничего не происходило. Затем — Ад.

— Командир Нернст-команды, докладывайте! Что вы делаете? Приказы не были…

— Капитан! Мисс Госпарди! Откуда вы появились?

Это был Острейчер. Он стоял справа от Арпи.

— Звёзды! Звёзды! — одновременно кричал Стаффер. — Эй, смотрите! Звёзды! Мы *вернулись*!

Люди в недрах «Улетающего-2» кричали от радости. Но в мозгу Арпи царила блаженная тишина: не было больше мыслей сотен людей. Его мозг принадлежал только ему.

— Молодец, Селия, — похвалил он девушку. — Мы успели вовремя.

— Как вам это удалось? — спросил Острейчер. — Мы не могли вас вычислить. Мы следили за тем, как продвигалось ваше исследование, когда внезапно пропала целая планета, а вместе с ней и вся система. Мы оказались в другом атоме и думали, что потеряли вас.

Арпи слабо улыбнулся:

— Знали ли вы, что корабль остался позади, когда вы прыгнули?

— Но… это невозможно! Он всё время был здесь.

— Да, и здесь тоже. Он использовал свою способность в одно и то же время быть в разных местах. Будучи телом с отрицательной массой, он обладал некоторыми свойствами чёрной дыры; в частности, он мог отражаться где-то во вселенной электроном. Вы оказались в одной из оболочек второго атома?

— Да, — ответил Стаффер, — и не могли из неё выбраться.

— Вот почему я выключил поле, — объяснил Арпи. — Я не знал, что вы будете делать в сложившейся ситуации. Но я был вполне уверен, что при отключении поля корабль приобретет свою обычную массу. Конечно, масса такой величины не может существовать в микромире, поэтому корабль должен был вернуться обратно. А в макромире тело не может находиться одновременно в двух местах. Так что мы, джентльмены, воссоединились.

— Очень хорошо, — сказал Стаффер; однако в его голосе не было ничего похожего на восхищение. — Но где же мы?

— Э? Извините, мистер Стаффер, разве вы не знаете?

— Нет, сэр, — сказал Стаффер. — Но могу сказать точно: далеко от дома, как и от созвездия Центавра. Кажется, мы потерялись.

Он бросил взгляд на измеритель Бордона и тихо добавил:

— И мы продолжаем терять воздух.

4

Общая тревога не обеспокоила никого, кроме экипажа, который только и знал, как редко она звучала. Что же касается газовой команды, то те пассажиры, которые были в курсе ее значения, милосердно держали рот на замке (возможно, Хаммерсмит угрозами заставил их молчать), а остальные, успокоенные панорамой звёзд, только удивлялись, наблюдая взрослых мрачных людей, шествующих по коридорам, выдувая в воздух мыльные пузыри. Через некоторое время газовая команда исчезла: они работали между корпусами.

Арпи был сбит с толку и обеспокоен.

— Посмотрите сюда, — неожиданно сказал он. — Эта критическая ситуация Хоули… Я забыл о ней, но, похоже, она имеет кое-какое отношение к нашей проблеме с воздухом. Давайте…

— Он идет, сэр, — сказал Острейчер. — Я вызвал его, как только… А вот и он.

Хоули был пухлым человеком с гладким лицом, вечно поджатыми губами и вечным выражением упрека на лице. В своем белом халате, на корабле

он выглядел несколько странно. Но стоит добавить, что за успехи в космической медицине Хоули четырежды получал медаль Хабера.

— Это была селезеночная грыжа, — первым делом сказал он. — То, что мы теряли кислород, равносильно предательству по отношению к жизни моего пациента. Я оперировал, когда звонил капитан, иначе бы высказался более ясно.

— Ага, — сказал Острейчер. — Тогда ваш пациент — негр.

— Негритянка. Восемнадцатилетняя девушка, и, между прочим, одна из красивейших женщин, которых я видел за много-много лет.

— Какое отношение к этому имеет ее цвет кожи? — спросил Арпи, чувствуя что-то наглое в очевидном мгновенном понимании ситуации Острейчера.

— Все, — ответил Хоули. — Как и у многих людей африканского происхождения, у нее есть sicklemia — наследственное состояние, в котором некоторые красные кровяные клетки принимают характерную форму серпа. В Африке это способствовало выживанию, потому что такие люди не столь подвержены малярии, как люди с нормальными эритроцитами. Но sicklemia уменьшает их способность усваивать воздух, бедный кислоро-

дом, — это было открыто еще в сороковых годах двадцатого века, в эпоху аэропланов, летающих низко и потому не испытывающих высокого давления. С этим невозможно бороться только путем поддержания достаточного высокого количества кислорода в окружающем воздухе, но…

— Как она? — спросил Арпи.

— Умирает, — резко ответил Хоули. — Что еще? Я поместил ее в кислородную палатку, но мы не можем бесконечно держать её там. Мне необходимо, чтобы в послеоперационной комнате было нормальное давление. А если мы не можем этого сделать — *быстро* верните ее на Землю.

Он с чувством попрощался и ушёл. Арпи беспомощно посмотрел на Стаффера, который снимал спектр с быстротой, значительно превышавшей возможности самого капитана. Первая попытка ориентации — сферический снимок видимого неба, в надежде определить хотя бы одно созвездие. Однако эта попытка ни к чему не привела. Ни компьютер, ни один из офицеров были не в состоянии определить ни одной сколько-нибудь значимой связи.

— Пойдет ли нам на пользу, если мы найдём Солнце? — сказал Острейчер. — И не окажемся ли мы в той же ситуации, если совершим ещё

один прыжок?

— Здесь С-Дорадус, — провозгласил Стаффер. — В любом случае, это начало. Но, чёрт побери, она не в том положении, которое я смог бы узнать.

— Мы надеемся найти источник утечки, — напомнил Арпи офицеру. — Но, если у нас не получится, думаю, что я смогу просчитать быстрый прыжок — туда и обратно. Хотя, надеюсь, нам не надо будет его совершать. Придётся использовать выброс очень тяжёлого атома — достаточно тяжёлого, чтобы быть нестабильным…

— Ищете Солнце? — раздался грохочущий неприятный голос из пристройки. Конечно, это был Хаммерсмит. По пятам за ним шёл доктор Хоули, выглядевший ещё более недоброжелательно, чем обычно.

— Послушайте, мистер Хаммерсмит, — сказал Арпи. — Это непредвиденная ситуация. Вам совершенно нечего делать на мостике.

— Непохоже, чтобы вы очень далеко продвинулись, — заключил Хаммерсмит, пренебрежительно поглядев на Стаффера. — От этого зависит моя жизнь, так же как и жизнь всех остальных. Вовремя я помог вам.

— Мы справимся, — покраснев, сказал Острейчер. — Ваш вклад в дело не больше, чем у любого

другого пассажира.

— Это не совсем так, — печально констатировал доктор Хоули. — Чрезвычайная ситуация наполовину связана с Хаммерсмитом.

— Ерунда, — резко сказал Арпи. — И если чья-то назойливость помешает нам, это в первую очередь повлияет на вашего пациента.

— Но девушка — невеста Хаммерсмита, — сказал доктор Хоули, разводя руками.

Через мгновение Арпи, ошеломлённый этим известием, понял, что рассердился, но не на Хаммерсмита, а на себя самого. Ничто не указывало на такой союз, и даже возможность такового не могла прийти в голову. Очевидно, его подсознание до сих пор сохраняло предрассудки, которые он вырвал с корнем тридцать пять лет назад.

— Почему вы скрывали это? — медленно спросил он.

— Для безопасности Хелен, — с горечью ответил Хаммерсмит. — На Центавре мы можем получить возможность создать нормальную семью. На нее бы глазели и шептались по всему кораблю, если бы мы были вместе. Она предпочла не разглашать нашу связь.

Вошел младший лейтенант в скафандре без шлема, неуклюже отдал честь и оставил ру-

ку в поднятом положении, давая ей отдых. В своём космическом одеянии он был похож на маленькую куклу, которую ребенок умудрился запихнуть в более большую.

— Докладывает газовая команда, сэр, — сказал он. — Мы не смогли найти каких-либо утечек, сэр.

— Вы не в своем уме, — резко произнес Острейчер. — Давление продолжает падать. Где-то есть дыра, в которую можно просунуть голову.

— Нет, сэр, — устало ответил младший лейтенант. — Таких дыр нет. Целый корабль протекает. Воздух выходит прямо через металл. Уровень потерь кислорода везде одинаковый, где бы мы его ни проверяли.

— Осмос! — воскликнул Арпи.

— Что вы имеете в виду, сэр? — поднял бровь Острейчер.

— Я не уверен, мистер Острейчер. Но я все время удивлялся — догадываюсь, все остальные тоже, — как все это дело повлияет на структуру корабля. Очевидно, оно ослабило молекулярные связи всего, что есть на борту — и теперь у нас есть хороший структурный титан, ведущий себя как полупроницаемая мембрана! Более того, могу поспорить, что это характерно для кислорода,

а двадцатипроцентное падение давления мы и наблюдаем.

— Как насчет влияния на людей? — спросил Острейчер.

— Это должен знать доктор Хоули, — ответил Арпи. — Но я сильно сомневаюсь, что это влияет на живую материю. Она находится в состоянии, противоположном энтропии. Но когда мы вернемся, я хочу, чтобы корабль был измерен. Могу поспорить, что его длина и обхват увеличились на несколько метров по сравнению с первоначальными размерами.

— *Если* мы вернемся, — заметил Острейчер, глядя исподлобья.

— Это может уничтожить корабль? — мрачно спросил Стаффер.

— Это может сделать межзвездный перелет довольно дорогим, — признал Арпи. — Похоже, нам придется выбросить корабль на свалку после одной поездки туда и обратно.

— Ну, мы с успехом утилизовали «Улетающий-1» после поездки в *один* конец, — задумчиво сказал Острейчер. — Так что наш случай — своего рода прогресс.

— Послушайте, вся эта болтовня никуда нас не приведет, — произнес Хаммерсмит. — Вы хотите,

чтобы я посадил корабль, или нет? Если нет, я бы лучше побыл с Хелен, чем стоял здесь, следя за вашей беседой.

— Что вы намереваетесь делать? — спросил Арпи, считая невозможным смягчить тон.

— Учить вас вашей работе, — ответил Хаммерсмит. — Полагаю, вы установили нашу удалённость от С-Дорадуса для пускового устройства. Если бы у меня были эти данные, я бы использовал звезду как маяк, чтобы привести в соответствие мои следующие измерения. Затем мне понадобился бы усилитель изображения, с подсоединенным микровольтметром прямых показаний — такой примитивный прибор у вас должен быть.

Стаффер молча указал на него.

— Хорошо.

Хаммерсмит сел и начал изучать звезды с помощью усилителя. Счетчик молча показывал излучение каждой в виде крошечных импульсов электричества. Хаммерсмит напряженно наблюдал за ними. Наконец он снял с запястья хронометр и начал засекать время движений стрелки с помощью секундомера.

— Глаз Быка, — неожиданно сказал он.

— Солнце? — недоверчиво спросил Арпи.

— Нет. Это DQ Геркулес — микропеременная давно открытая звезда. Она изменяется на четыре сотых величины каждые шестьдесят четыре секунды. Теперь у нас есть две звезды для вычислений; возможно, компьютер сможет с их помощью дать нам координаты Солнца. В любом случае, давайте попробуем.

Стаффер попробовал. Компьютер сегодня решил притвориться бестолочью. Тем не менее он сузил район поиска до маленького сектора неба, содержащего примерно шестьдесят звезд.

— Солнце испускает что-нибудь похожее? — спросил Острейчер. — Я знаю, это была переменная звезда в радиочастотах, но как насчет видимого света?

— Если бы мы могли установить достаточно большую RF-антенну, мы бы тут же нашли Солнце, — сказал Хаммерсмит, размышляя. — Но со светом дело обстоит сложнее… Ммм. Если *это* Солнце, мы должны быть даже дальше от него, чем я думал. Доктор Хоули, не возьмёте ли вы мои часы и не проверите ли пульс?

— Ваш пульс? — испуганно переспросил доктор Хоули. — Вы себя плохо чувствуете? Воздух…

— Я чувствую себя хорошо, я дышал и более разреженным воздухом, чем этот, и выжил, —

раздраженно ответил Хаммерсмит. — Проверьте мой пульс, затем всех остальных и скажите мне среднее значение. Я бы использовал весь корабль, если бы у меня было время, но у меня его нет. Если никто из вас, экспертов, не понимает, что я делаю, я не собираюсь тратить время на объяснения. К черту, речь идет о жизнях!

Его губы сжались, Арпи только молча кивнул Хоули — он опасался говорить. Доктор пожал плечами и начал измерять пульс, начав с самого исследователя. Через некоторое время у него были средние результаты, которые он протянул Хаммерсмиту на полоске бумаги, вырванной из книги отчетов.

— Хорошо, — сказал тот. — Мистер Стаффер, пожалуйста, занесите эти данные в реестр. Сделайте поправку на допустимую погрешность в два процента и разделите число на сотню и шесть увеличений и уменьшений каждую; затем скажите мне, каково процентное отношение. Сможете сделать?

— Достаточно просто. — Стаффер задал программу. Компьютер выдал ответ ещё до того, как второй офицер прекратил печатать. Стаффер передал бумажную ленточку Хаммерсмиту.

Арпи наблюдал за происходящим с некоторым

восхищением. Он не понимал, что делает Хаммерсмит, но после всего увиденного начинал верить в существование микроастрономии.

В то время как Хаммерсмит сканировал звёзды, одну за другой, стояла мёртвая тишина. Наконец он, просияв, сказал:

— Вот вы где! Эту девятую по величине работу я завершил. Там Солнце. Между прочим, мы немного ближе к Альфа Центавра, чем к дому — хотя одному Богу известно, как далеко мы от обоих.

— Откуда у вас такая уверенность? — спросил Арпи.

— Я не совсем уверен. Но настолько, насколько могу на таком расстоянии. Выберите, куда вы хотите отправиться, совершите прыжок, а после я всё объясню. Мы не можем себе позволить тратить время на лекции.

— Нет, — сказал Арпи. — Я не сделаю этого. Я не собираюсь отбрасывать наш, может быть, единственный шанс: не похоже, чтобы корабль мог выдержать больше одного прыжка, основанного на подсчетах, разумного объяснения которым я не знаю.

— А какова альтернатива? — насмешливо спросил Хаммерсмит. — Сидеть здесь и умереть от гипоксии? Просто из-за проклятого упрямства?

— Я капитан этого корабля! — вспыхнув, ответил Арпи. — И мы не сдвинемся с места до тех пор, пока я не получу удовлетворительного объяснения ваших требований. Понятно? Таков мой приказ, и на этом закончим.

Несколько мгновений два человека, застыв, как истуканы, свирепо смотрели друг на друга.

Хаммерсмит закрыл глаза. Казалось, он слишком устал, чтобы переживать.

— Вы теряете время, — сказал он. — Очевидно, быстрее было бы проверить спектр.

— Простите, капитан, — возбуждённо сказал Стаффер. — Я только что сделал это. И, думаю, что та звезда — Солнце. Она удалена от нас на восемьсот световых лет…

— *Восемьсот световых лет!*

— Да, сэр, по меньшей мере. Половина линий спектра отсутствует, но те, которые достаточно определены, совпадают со спектральными линиями Солнца. Я не уверен в отношении той звезды, которую Хаммерсмит считает Альфа Центавра, но, по крайней мере, это её спектроскопический двойник, расположенный примерно на пятьдесят световых лет ближе.

— Мой Бог, — пробормотал Арпи. — Восемьсот.

Хаммерсмит снова открыл глаза.

— Разве это существенно? — хрипло спросил он. — Ради всего святого, давайте начнём. Пока мы здесь пререкаемся, она умирает!

— Прыжка не будет без разумного обоснования, — твёрдо сказал Арпи. Острейчер искоса посмотрел на него. В это мгновение Арпи почувствовал, что его положение пошатнулось, но не был намерен сдаваться.

— Очень хорошо, — мягко произнес Хаммерсмит. — Дело обстоит так. Солнце — переменная звезда. За небольшим исключением, величина импульсов не превышает общего среднего излучения — солнечной постоянной — более, чем на два процента. Период обращения составляет 273 месяца. Внутри него есть, по меньшей мере, шестьдесят три второстепенных круга. Один состоит из 212 дней. Другой длится только чуть более шести с половиной — я забыл точное число, но период составляет 1/1250 основного цикла, если вы хотите выразить это на Бесси.

— Я догадывался об этом, — сказал Арпи. — Но что это нам дает? У нас нет специальных таблиц…

— Эти циклы обладают интересными свойствами, — пояснил Хаммерсмит. — Например, шестидневный цикл сильно влияет на земную

погоду. А 212-дневный цикл один к одному отражается *в ритме человеческого пульса*.

— Ого, — сказал Острейчер. — Теперь я понимаю. Это… капитан, это значит, что мы *никогда* не потеряемся! Никогда, пока Солнце различимо — можем мы идентифицировать его или нет. Единственный маяк, который нам нужен, у нас в крови!

— Да, — ответил Хаммерсмит. — Так обстоят дела. Лучше брать средний результат всех пульсов, которые можно измерить, так как один человек может быть слишком взволнован, чтобы получилось точное число. Я и сам очень волнуюсь. Интересно, запатентован ли этот способ? Нет, думаю, это закон природы; кроме того, слишком легко нарушаемый, почти как патент на бритье… Но он справедлив, мистер Острейчер. Вы можете уйти куда угодно, но Солнце останется в вашей крови. Фактически, вы всегда находитесь дома.

Он поднял голову и посмотрел на Арпи воспаленными глазами и тихо, почти шепотом произнес:

— Пожалуйста, ну теперь-то мы можем отправиться? И, капитан, если эта задержка убила Хелен, вы мне за это ответите, даже если мне придется гоняться за вами до самой маленькой,

самой отдаленной звезды, которую когда-либо создал Бог.

Арпи сглотнул.

— Мистер Стаффер, — сказал он. — Приготовьтесь к прыжку.

— Куда, сэр? — спросил второй офицер. — Обратно домой или к цели?

И тут возникло затруднение. После следующего прыжка «Улетающий-2» больше не сможет находиться в космосе. Если они применят его, добираясь до Центавра, они окажутся будто на необитаемом острове; они используют свою поездку туда и обратно за один раз. Кроме того… *«Ваш корабль важнее, чем все остальное на борту. Доставьте пассажиров туда, куда они хотят, если это возможно, всеми средствами, но если нет, правительство хочет корабль назад… Понятно?»*

— Мы заключили контракт с пассажирами лететь к Центавру, — сказал Арпи, усаживаясь перед компьютером. — Туда мы и полетим.

— Очень хорошо, сэр, — ответил Острейчер. Это были лучшие из слов, которые Арпи когда-либо слышал в своей жизни.

Прелестная негритянка, не утратившая своих чар даже во время пребывания у порога смерти,

была первой, кто сошел с корабля на большой перевозочный паром. Хаммерсмит с искаженным болью лицом шел с ней рядом.

Затем началась напряжённая работа по эвакуации всех остальных. Все: и пассажиры, и личный состав — теперь были в масках. После прыжка сквозь сильное космическое излучение, которое, как отметил Арпи, состояло из голых ядер, в любом случае летящих к Центавру, «Улетающий-2» терял воздух, словно был сделан из чего-то типа хирургической марли. С кораблем было покончено.

Острейчер повернулся к Арпи и протянул руку.

— Великое достижение, сэр, — сказал первый офицер. — Я рад, что был с вами.

— Спасибо, мистер Острейчер. Вы не будете скучать по маршруту на Марс?

— Здесь тоже понадобятся межпланетные капитаны, сэр, — он сделал паузу. — Я лучше пойду помогу мистеру Стафферу с эвакуацией.

— Хорошо. Еще раз спасибо, мистер Острейчер.

Затем он остался один. Он должен был последним покинуть корабль: после такого длительного проживания совместно с Острейчером и всем персоналом он пришел к выводу, что традиции не вырастают из ничего. Однако через некоторое

время дверь в переборке тяжело распахнулась, и вошел доктор Хоули.

— Капитан, вы устали. Лучше бросьте это.

— Нет, — хрипло ответил Арпи, не прекращая смотреть сквозь экран на пылающее отправление парома к коричневато-зеленой планете, которая, кроме странных очертаний континентов, так была похожа на Землю.

— Хоули, что вы думаете? У нее еще есть шанс?

— Не знаю. Всё пойдёт своим ходом. Может быть. О ней позаботится Вилсон — он был корабельным хирургом на «Улетающем-1». Он уже не молод, но в своё время считался очень хорошим хирургом. В данном случае главное — практика. Но… девушка долгое время была без сознания. Она может быть немного…

Он замолчал.

— Продолжайте, — сказал Арпи. — Скажите мне прямо. Я знаю, что был не прав.

— Ей долгое время не хватало кислорода, — ответил Хоули, не глядя на Арпи. — Может случиться, что она будет немного… другой в смысле умственного состояния, когда поправится. А может и нет; такие вещи нельзя предсказать. Но одно точно: она никогда не осмелится снова отправиться в космос. Даже обратно на Землю.

Еще одно, пусть и легкое падение кислородного давления убьет ее. Я даже не советую ей летать на аэропланах, и Вилсон согласен с этим.

Арпи сглотнул.

— Хаммерсмит это знает?

— Да, — ответил Хоули. — Знает. Но он останется с ней. Он любит ее.

Больше не было видно парома, уносящего исследователя и его невесту, дочь капитана Виллогби с ее Джуди и многих других. С болью в сердце Арпи наблюдал Центавр 3, поворачивающийся под ними. Эта планета была воротами к звездам — для всех, живущих на ней, кроме Дэриона и Хелен Хаммерсмит. Дверь, закрывшаяся за ними, когда они вошли на паром, была для них дверью тюрьмы. Но вдруг Арпи осознал, что — пусть тюрьма! — но в ней будет жить и творить великий человек, один из тех, кого можно назвать учителем Человечества. И сам он, Арпи, обладающий свободой, никогда не сможет достичь таких вершин. Зато он умел путешествовать к звездам. Он все-таки доставил Селию Госпарди и других туда, куда они хотели, и теперь был маленьким героем для своей команды. И наконец, его — доктора Гордона Арпи, иногда лабораторного затворника, иногда эрзац-капи-

тана космического корабля, иногда небольшого героя — поцеловала на прощанье 3-V звезда. Но всё было позади. С этой минуты ему оставалось лишь бездельничать да представлять, как другие совершенствуют его двигатель: четырехлетняя пауза в сообщении между Центавром и домом исключает его из экспериментальной работы. Как если бы он был изгнанником — или Дэрионом Хаммерсмитом. Когда в следующий раз Арпи увидит земного физика, у него не будет ни малейшего шанса понять, о чем тот говорит.

Это тоже была тюрьма; тюрьма, в которой капитан Гордон Арпи сам разместился, а затем выбросил ключ.

— Прошу прощения, капитан?

— Ой. Извините, доктор Хоули. Я забыл, что вы все еще здесь. — Арпи в последний раз взглянул вниз на зелено-коричневую планету и глубоко вздохнул: — Я сказал: «Да будет так».